

П.Ю. Рахшмир, А.А. Галкин

**Консерватизм в прошлом и
настоящем**

**монография, история,
политология, философия,
империализм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Ю. Рахшмир**
Консерватизм в прошлом и настоящем: монография, история, политология, философия, империализм / П.Ю. Рахшмир, А.А. Галкин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 194 с.

ISBN 978-5-458-36236-8

Книга посвящена теории и практике современных неоконсерваторов. Авторы прослеживают возникновение и развитие консерватизма со времен Великой французской революции, останавливаясь на фигурах его идеологов и практиков: Э. Берна, Ж. де Местра, К. Меттерниха, Б. Дизраэли, О. Бисмарка и др. Показана связь между консервативной реакцией и фашизмом, анализируется преемственность между «старым» и «новым» консерватизмом — самой серьезной угрозой для сил, борющихся сегодня за социальный прогресс.

ISBN 978-5-458-36236-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловие

Начиная со второй половины 70-х годов XX в. во многих промышленно развитых капиталистических странах оживились консервативные силы. Это оживление продолжается и в 80-е годы, распространяясь на самые различные сферы: экономику, социальные отношения, политическую систему и идеологию.

В экономической политике сдвиг в сторону консерватизма нашел выражение в постепенной замене социально-реформистской модели развития, основанной на широком применении социальных амортизаторов и использовании кейнсианских методов государственно-монополистического регулирования, консервативно-монетаристской моделью, ориентированной на осуществление режима «жесткой экономики» за счет цены рабочей силы и на освобождение «рыночной экономики» от ограничений, обусловленных общеполитическими соображениями.

В социальной области на смену более гибкому курсу, предполагавшему поиски социального компромисса и доминировавшему в прежние годы, пришла издавна отстаиваемая консерватизмом «политика силы» по отношению к основной массе трудящегося населения, и прежде всего к его профессиональным и политическим организациям. В рамках этой политики предпринимаются все более настойчивые попытки отобрать у рабочего класса и всех трудящихся то, что было завоевано ими в упорных схватках предыдущих десятилетий.

В сфере политики все отчетливее наметился «дрейф вправо». В зависимости от конкретной обстановки он проявляется по-разному: в укреплении электоральных позиций буржуазных партий, открыто называющих себя консервативными или являющихся таковыми фактически, в ослаблении либерально-реформистских и расширении правозентристских и правых политических течений в самом буржуазном лагере, в значительной активизации и росте влияния праворадикалистских, в том числе нефашистских, движений и организаций. В одних странах этот «дрейф вправо» привел к смене социал-демократиче-

ских или социал-либеральных правительств буржуазными с более или менее очевидным консервативным оттенком. В других буржуазно-консервативные силы, не сумев добиться перелома в свою пользу, нарацивают свои атаки с целью захватить правительственную власть.

Можно, разумеется, привести отдельные примеры того, как правые, консервативные силы терпят поражение в попытках навязать обществу свое господство. Общая тенденция остается, однако, весьма определенной.

Еще более выражена эта тенденция в идеологической сфере. Со второй половины 70-х годов в ней произошло своеобразное перевооружение. Либерально-реформистские концепции, наиболее модные в 60-е годы, оказались отодвинутыми на второй план. Рассуждения о «социальной экономике», способной обеспечить «всеобщее благосостояние», сменились апологетикой «экономического реализма», очищенного от сентиментальности. Место размышлений на тему о «социальной гармонии» заняли утверждения об извечности социального неравенства. Моду на «плюрализм» как форму политической организации общества сменила мода на «корпоративизм», призванный положить конец «плюралистической неустойчивости» сложившихся общественных отношений. Серьезные бреши пробиты в рядах теоретических защитников буржуазной демократии. Растущее консервативно-скептическое отношение к ней нашло выражение в жалобах на «избыток демократии», который-де является причиной недостаточной эффективности управляющих механизмов, а также в разного рода предложениях, имеющих целью ликвидацию этого «избытка».

При рассмотрении вопросов мировой политики господствующие позиции заняли консервативные школы, «историко-философскую» основу которых составляют положения об изначальной «греховности» человека, о его склонности к злу вследствие стремления достичь большего, чем он имеет, о вечности и неизбежности борьбы людей за власть и силу.

Подобное развитие вызывает настоятельную потребность во всестороннем анализе консерватизма как социального и идейно-политического феномена.

Особый интерес в этой связи представляют несколько аспектов.

Во-первых, необходимо осмыслить действительные масштабы явления. Отражает ли оживление консерватизма периферийные или магистральные тенденции в зоне

развитого капитализма, характерны они для всей зоны или же лишь для отдельных стран? Представляет ли собой такое оживление преимущественно верхушечное явление, будучи результатом изменения расстановки сил в господствующем классе, или же происходит и из сдвигов в массовом общественном сознании?

Во-вторых, важно установить степень объективной обусловленности оживления консерватизма и, соответственно, выявить факторы, которые породили это оживление. В этой связи следует прежде всего определить, в какой мере обращение господствующего класса в промышленно развитых капиталистических странах к консерватизму обусловлено глубинными процессами, а в какой является импровизированным ответом на нынешнюю стадию кризисного развития. Нужно также уяснить, существуют ли объективные факторы, способствующие сохранению и даже временному усилению консервативных ценностей в массовых социальных группах современного капиталистического общества, и в случае положительного ответа выделить и всесторонне рассмотреть эти факторы.

В-третьих, следует оценить возможные общественно-политические последствия продолжающегося оживления консерватизма.

Ответ на эти вопросы в значительной мере зависит от правильного определения функций консерватизма в общественном развитии.

Под консерватизмом авторы подразумевают тип политики господствующих классов антагонистического общества с соответствующей идеологической надстройкой, с определенной партийно-организационной базой. Он возник как реакция на Великую французскую революцию, вобрав в себя как феодально-аристократические, так и буржуазные компоненты. Консерватизм направлен против общественного прогресса, противодействуя ему разнообразными методами — от провозглашения готовности к ограниченным реформам до откровенного насилия, причем вариативность его как раз и определяется соотношением, дозировкой в политической практике того и другого.

Будучи прежде всего социально-политическим и идеологическим явлением, разновидностью стратегии верхов, консерватизм имеет также чрезвычайно важную психологическую сторону. Ему придают силу и жизнеспособность глубинные традиционалистские и ностальгические тенденции, корнящиеся в психологии массовых слоев

населения. Для консерваторов характерно умение использовать эти тенденции для мобилизации под свои знамена массовой базы.

Подобное исходное положение предопределяет и методологию исследования феномена. Чтобы выявить его суть, место в общественно-политических структурах, степень идейного воздействия, необходимо органическое сочетание двух подходов. С одной стороны, исторического, позволяющего рассматривать явление в его неразрывной связи с каждой данной ступенью развития общества. С другой — социологического, открывающего возможность проследить взаимодействие между консерватизмом как идеологией и политикой господствующего класса и процессами, происходящими в общественном базисе, в социальной структуре общества, в массовой психологии и т. д.

Эти соображения предопределили подход авторов к освещаемому ими объекту и, соответственно, структуру книги. Она обусловлена стремлением дополнить исторический анализ социологическим и наоборот.

Авторы рассматривают свою книгу как попытку дать цельную картину исторического развития консерватизма и его роли в современном капиталистическом обществе на нынешнем этапе общего кризиса капитализма, показать большую опасность для общественного развития, которой чревато нынешнее возрастание роли консерватизма как инструмента политики, направленной против социального прогресса, демократии, социализма. В какой мере это удалось — судить читателям.

Глава 1. Истоки консерватизма

Анализ консерватизма как сложного международного явления, естественно, предполагает определение исходного рубежа, точки отсчета его возникновения. Однако существующее множество истолкований консерватизма не позволяет выработать единый подход к вопросу, откуда вести отсчет. Если трактовать консерватизм антропологически, т. е. как естественное свойство человеческой природы, как определенный стиль мышления, психологии личности или группы, то можно обнаружить его признаки с незапамятных времен человеческой истории. Антиисторизм характерен и для трактовки консерватизма как преимущественно идеологического явления. Ее сторонники находят те или иные «вечные» консервативные идеи и ценности еще у мыслителей древности, особенно у Платона и Аристотеля. Так, американский ученый М. Ауэрбах усматривал разницу между консерватизмом Платона и английского философа XVIII в. Э. Берка «в различии исторической среды, хотя их фундаментальные ценности были идентичны»¹.

Историческое измерение консерватизма утрачивает и при так называемом ситуационном подходе, предложенном известным американским политологом С. Хантингтоном. Хотя этот подход внешне выглядит диаметрально противоположным названному выше, итоговые выводы практически идентичны. За консерватизмом, подчеркивал Хантингтон, нет никакой интеллектуальной традиции. «Людей толкает к консерватизму шок, вызванный теми или иными событиями, ужасное чувство, что общество или институты, которые они одобряют или, по крайней мере, принимают и с которыми они тесно связаны, могут вдруг прекратить существование»². Поэтому консерватизм предстает не как явление, постоянно сопутствующее политической жизни, подверженное подъемам и спадам, а как нечто ситуационное, эпизодическое, возникающее подобно вспышке или волне. Таких волн к концу 50-х годов нашего века Хантингтон насчитал четыре, причем первая из них, по его мнению, была ответом на религи-

озную Реформацию и централизацию государственной власти в XVI—XVII вв. Этим же временем датирует истоки консерватизма американский историк Дж. Вейсс, рассматривая консерватизм как реакцию на угрозу традиционным ценностям, исходившую от европейских монархов, которые в XVI—XVII вв. сумели обуздать феодально-аристократическую вольницу³.

В подобной трактовке искажается социальная сущность консерватизма; он выглядит всего лишь как вспышка аристократического недовольства, своего рода фронда. Но охранительные тенденции были свойственны власти имущим во все времена и всегда были поборники старого, традиционного в противовес новому; все это находило отражение в политической борьбе, в идеологии и искусстве. Именно поэтому так часто срабатывает эффект узнавания: аналогии современному консерватизму легко просматриваются в отдаленном прошлом.

Для возникновения современного консерватизма были необходимы определенные социально-экономические, политические и духовные предпосылки, созданные Просвещением и Великой французской революцией. Это настолько зримые рубежи, что их признает и большинство современных буржуазных историков. С этой точки зрения характерно высказывание консервативного американского ученого и идеолога Р. Нисбета: «Современный консерватизм...— дитя реакции на Французскую революцию и Просвещение, главным образом также во Франции, которое предшествовало революции»⁴.

Действительно, Просвещение и Великая французская революция настолько тесно связаны друг с другом, что их воздействие, в частности, на генезис консерватизма нельзя рассматривать каждое в отдельности. Ф. Энгельс отмечал: «Подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке философская революция предшествовала политическому перевороту»⁵. Просвещение означало окончательный разрыв с духовными путами средневековья. Оно подрывало устои феодального общества в целом. «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции,— подчеркивал Ф. Энгельс,— сами выступали крайне революционно... Религия, понимание природы, общество, государственный строй— все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»⁶. Не случайно, что и друзья и враги Фран-

цузской революции видели в ней воплощение принципов Просвещения. Первые с гордостью говорили, что человек уже настолько зрел и умен, что может творить свою собственную социальную среду в соответствии с принципами разума, другие негодовали на то, что человек посмел вступить в противоборство с «естественным ходом вещей», с божественной волей.

Если Просвещение поставило под угрозу всю систему духовных ценностей феодализма, то Великая французская революция подорвала его социально-экономический и политический фундамент. «Франция,— писал Ф. Энгельс,— разгромила во время Великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна»⁷.

Французская революция, говорил В. И. Ленин, «недаром называется Великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...»⁸.

Наряду с масштабностью Французская революция отличалась ярко выраженным социальным характером. В отличие от предшествовавших европейских буржуазных революций она вела борьбу против феодализма открыто и решительно, без религиозных покровов, как это было, в частности, в буржуазной революции Англии в середине XVII в. Острота противоборства между буржуазией и феодальной аристократией была так велика, что здесь не возникло почвы для компромисса в стиле «славной революции» 1688 г. в Англии, где влиятельные аристократические группировки смогли договориться с буржуазией, устранив от власти склонную к феодальной реакции династию Стюартов в пользу более благосклонного к буржуазно-конституционным принципам правления принца Оранского.

По феодализму был нанесен удар такой силы, что дрогнула вся феодально-абсолютистская Европа; произошли сдвиги системного характера, сжатые во времени и потому особенно ощутимые. Переломный, кризисный характер эпохи в той или иной мере понимали теоретики и практики зарождающегося консерватизма.

Грандиозное революционное действие вызвало отчаянное противодействие. «Великим страхом» были объаты не только феодалы; он распространялся на значительную часть имущих слоев вообще, по мере того как революция развивалась по восходящей линии. «Буржуазия,— отмечал Ф. Энгельс,— класс, в лучшем случае лишенный героизма. Даже наиболее блестящие ее достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не были ею самой завоеваны для себя, а их завоевали для нее плебейские народные массы, рабочие и крестьяне»⁹. Именно эти социальные силы, по словам В. И. Ленина, смогли наложить на Французскую революцию «отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»¹⁰. Благодаря их напору Французская революция продвинулась гораздо дальше, чем того хотелось бы умеренным элементам буржуазии. Якобинская диктатура — кульминационный момент революции — вызвала трепет у благонамеренного буржуа, не говоря уже о землевладельческой и финансовой аристократии. В этом весьма широком антиреволюционном потоке и зародилось явление, получившее несколько позже название «консерватизм», в котором отразилась его антиреволюционная, антипрогрессивная суть.

Понятие «консерватизм» имеет много общего с понятиями «реакция» и «контрреволюция», но оно не идентично им, поскольку лагерь реакции и контрреволюции может быть гораздо шире, чем консервативный. Во времена революционного кризиса в нем оказываются и более умеренные по сравнению с консерваторами элементы либерального и реформистского толка. Так, к антиякобинской реакции присоединились многие из тех, кто поначалу приветствовал революцию, праздновал вместе с народом падение Бастилии. Кроме того, нужно учитывать, что реакция и контрреволюция в отличие от консерватизма в большей степени подвержены ситуационным колебаниям, связаны преимущественно с революционными потрясениями.

Поэтому можно сказать, что консерватизм возник не просто как реакция на Просвещение и Великую французскую революцию; его становление обусловлено крушением феодальной формации и вызреванием капиталистической на той фазе данного процесса, когда социально-политические преобразования совпали с промышленной революцией, антагонизм между буржуазией и феодальной аристократией принял четкие классовые формы, а из

«третьего сословия» начало выделяться «четвертое» — пока еще в виде предпролетариата.

Нисходящему классу феодалов более надежными казались крайние меры: крестовый поход против нечестивого Парижа, беснощадная расправа с французскими якобинцами и их последователями в других странах. Силой сохранить старый режим, где он еще существует, и реставрировать его во Франции — таково кредо феодальной реакции. Правда, решить эту задачу ей не удалось. Более приглушенно в лагере противников революции звучал иной мотив: нельзя уповать только на одну силу. Благодаря ей, конечно, проще справиться с уже вспыхнувшим революционным пожаром, но нужно уметь и предотвратить его. Первый метод, безусловно, был ближе формирующемуся консерватизму. Пройдет еще немало времени, прежде чем он возьмет на вооружение и второй, придав ему специфическую консервативную окраску, хотя немногочисленные наиболее дальновидные из зачинателей консерватизма не исключали наряду с применением силы использование крайне ограниченных реформ.

«Отцы-основатели» консерватизма

Именно такой, более «широкий», подход характерен для общепризнанного тогда теоретика консерватизма Э. Берка (1729—1797). Э. Берк нес службу в качестве секретаря видного вигского политика маркиза Рокингэма, который бывал и премьер-министром Англии. За свои заслуги Берк был удостоен места в парламенте от одного из «гнилых местечек». Его книга «Размышления о Французской революции» считалась чем-то вроде библии консерватизма. Она появилась уже в 1790 г., и менее чем за год вышло 11 ее изданий. К моменту смерти Берка было распродано 30 тыс. экз.¹¹ Интересно, что отпрыск скромного ирландского законника, поставивший свое перо и дар красноречия на службу аристократическо-буржуазной вигской олигархии, оказался проницательнее, чем такие «классики» махрового феодально-аристократического консерватизма, как Ж. де Местр и Л. де Бональд. Своей книгой он опередил их на несколько лет. Это говорит о незаурядном политическом чутье вигского оратора и публициста.

В судьбе Берка отразилось то немаловажное обстоятельство, что в качестве идеологов консерватизма выступали чаще всего не родовитые аристократы, а представи-

тели начавшей тогда формироваться буржуазной интеллигенции, выходцы из захудалого дворянства, а иногда и вообще из низов. Аристократическая знать редко выдвигала мыслителей из своей среды. Ведь дворяне, по словам героя Бомарше Фигаро, взяли на себя один-единственный труд — родиться. Зато господствующий класс обладал возможностью привлечь на свою сторону одаренных людей, не располагавших ни состоянием, ни знатной родословной. А тех часто манила перспектива приобрести к аристократическому блеску и богатству, ощутить свою принадлежность к элите. Давала о себе знать, особенно в Англии, сравнительно далеко продвинувшейся на пути буржуазного развития, и отмеченная основоположниками марксизма тенденция к разделению духовного и материального труда в среде господствующего класса: одна его часть выступает в качестве мыслителей данного класса, «это — его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе»¹². Фигура Берка воплотила многие черты, свойственные этой группе господствующего класса вообще и господствующей в особенности, черты, которые в модифицированном виде можно обнаружить и у современных пророков консерватизма.

Чем же объясняется широкая известность Берка, сохранившаяся, несмотря на спады и подъемы, на протяжении почти двух столетий? Было бы неверно, как это делают некоторые современные буржуазные ученые, изображать его глубоким теоретиком, находить у него элементы социологических и политологических концепций. Сам Берк с отвращением относился к абстрактным теоретическим схемам. Суждения его были обычно обусловлены конкретными ситуациями; и заботила его скорее эстетическая, чем философская, сторона дела. Логику он часто приносил в жертву риторическим эффектам. Отсюда — масса противоречий и неувязок, что трудно отрицать даже его поклонникам. Но именно благодаря этому высказывания Берка могут быть использованы весьма широко, в разных контекстах. Это позволяет в каждую новую эпоху отыскивать в его наследии аргументы в пользу обновленных версий консерватизма.

Вряд ли найдется сейчас «идейно подкованный» консерватор, который бы не ссылался на Берка. Более того, к нему апеллируют и либералы, преимущественно правого толка. Это объясняется тем, что в наследии британско-